

Наумов Николай Иванович

Паутина

**Рассказ из жизни приискового
люда в Сибири**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович Н.**
Паутина: Рассказ из жизни приискового люда в Сибири / Наумов Николай
Иванович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 240 с.

ISBN 978-5-519-98709-7

ISBN 978-5-519-98709-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Былъ жаркій іюльскій день, когда я въ первый разъ подъѣзжалъ къ селу Т...ъ. Усталые кони съ трудомъ взбирались на гребни холмовъ, на которые взбѣгала порою узенькая проселочная дорога. Въ воздухѣ было тихо и душно, и даже комары, стаями кружившіеся, преслѣдуя насъ во весь путь, попрятались отъ зноя. Ямщикъ дремалъ, лѣнливо понукая лошадей и помахивая на нихъ кнутомъ. Когда же показалось село, внезапно выглянувшее изъ-за холма, онъ оживился и, обернувшись ко мнѣ, спросилъ: «къ Кузьмѣ Терентичу завезти тебя, што-ли?»

— Вези къ кому хочешь!—отвѣтилъ я.

— Поѣдемъ къ нему: домовитый мужикъ-то, первый въ селѣ. У него всякое начальство останавливается, по-купецки живетъ!—пояснилъ онъ.

— Богатый, значить?—спросилъ я.

— И-и, страсть вымолвить!—протянулъ онъ, сидя на облучкѣ, въ полъ-оборота ко мнѣ.—Коней однихъ што-о, упаси Господи! Всякій заводъ есть, касательно чего ни возьми. Однихъ самоваровъ, скажу тебѣ,

никакъ съ дюжину будетъ, во-отъ какой чинный мужикъ!

— Торгуешь развѣ чѣмъ?—спросилъ я, заинтересованный его поясненіями о домовитости Кузьмы Терентьича.

— Торгующій! У нихъ вѣдь тамъ чуть не половина села все торгующіе!—дополнилъ онъ, нѣсколько помолчавъ.—Торговый народъ, ловкій, маху, братецъ, не дадутъ, нѣ-ѣ-ѣтъ, и крещенаго человѣка, и нехристя на одномъ сучкѣ окрутятъ.

— Чѣмъ же они торгуютъ?

— Первое дѣло, братецъ ты мой, виномъ; второе тебѣ дѣло—харчами. У нихъ почестъ што ни домъ, то и постоянный дворъ и кабакъ. Лавокъ, братъ, этихъ множество, ситцами теперича торгуютъ, обувью и всякимъ товаромъ,—ну, касательно и бабъ ихнихъ, скажу тебѣ, стра-а-астъ сколько денегъ зашибаютъ!

— Бабы-то чѣмъ же?—полюбопытствовалъ я.

— Чѣмъ? Хэ!—съ ироніей переспросилъ онъ и, приподнявъ картузь, почесалъ затылокъ, до того излѣденный комарами, что онъ представлялъ изъ себя сплошной нарывъ: —самороднымъ таланомъ,—произнесъ, наконецъ, онъ, растворивъ ротъ въ широкую улыбку.

Дорога выбѣжала въ это время на лугъ и взвилась вдаль на высокій, расположенный террасами, холмъ, снова скрывшій отъ нашихъ глазъ село. По правую сторону дороги лежала глубокая лощина, такъ что вершины росшихъ въ ней деревьевъ не достигали крутого обрыва холма, обнесеннаго толстыми сплошными перилами. Настеганныя ямщикомъ

лошади пустились рысью, но, поднявшись только на первую террасу, остановились въ изнеможеніи.

— Дай, братецъ, лошадамъ-ло передохнуть, слѣлай милость!—обратился ко мнѣ ямщикъ, приподнимая шапку и слѣзая съ облучка.

Я вышелъ изъ телеги и, подойдя къ обрыву, слѣлъ на высунувшійся изъ земли камень, густо обросшій мхомъ. Ямщикъ тоже подошелъ ко мнѣ и, доставъ изъ-за пазухи трубку, набилъ ее табакомъ изъ кисета, спитаго изъ ситцевыхъ лоскутковъ, и, вырубивъ огня, опустился на землю.

— Какія благодатныя мѣста у васъ,—сказалъ я, любуясь на снѣговыя горы Алтая съ блѣдно-розовыми вершинами, клубившимися на горизонтѣ, какъ облака. Вдали, за зеленѣющею грядою холмовъ, сплошною стѣною тянулись лѣса, окутанные легкою синеватою дымкой, «чернь», какъ называютъ ихъ народъ. Внизу, у подошвы самаго холма, на которомъ сидѣли мы, лежала долина, покрытая роскошною растительностью, какою отличаются долины предгорій Алтая.

— Мѣста у насъ—умирать, братъ, не надо!—отозвался ямщикъ на мое замѣчаніе.—По этимъ мѣстамъ только жить бы да жить нашему брату, а все, другъ мой сердешный, мается народъ-то: и хлѣба теперича урожай, не пожалуемся, и пчелка водится, медку-то тебѣ за лѣто съ избыткомъ припасеть она, а маемся, — диви вотъ!—заключилъ онъ.

— Отчего же вы маетесь?

— Отчего!—повторилъ онъ.—И хорошія, братъ, мѣста у насъ, да глухія; суди самъ: теперича въ

урожайный-то годъ хлѣбъ-то хошь даромъ отдавай, такъ никто не беретъ у тебя, вотъ оно дѣло-то! А подать-то не ждетъ, по хозяйству тоже безъ гроша клина не вобьешь, а гдѣ ихъ, грошей-то, брать прикажешь? И отдаешь все задаромъ, да еще накла-няешься, только возьми Христа-ради! Ну, у кого лошадей много да во времени избытокъ, нагрузить во-за да въ Т...ъ городъ везетъ, ему и выгода, и богатѣетъ, а нашему-то брату не сподручно это, потому и лошадушекъ намаешь, и время-то тебѣ терять не доводится. Въѣдъ на ѣзду-то въ городъ, братецъ ты мой, по путному волоку мѣсяца полтора клади; харчи тоже надоть тебѣ и конямъ, оно и выйдетъ, што коли ты и продашь хорошо, такъ на себя да на коней протравишь сколько, а домой-то все съ пустымъ карманомъ вернешься. Да и въ городу-то, коли много нашего брата наѣдетъ, такъ тоже наплачешься, цѣну-то тебѣ такъ сшибутъ, што хошь домой вези или задаромъ тому же прасолу отдавай. Сподручно-ль оно, суди самъ! Вотъ ты и у хлѣба сидишь, а горя все не минуешь. Вонъ т...цамъ лафа, и не сѣютъ, да жнутъ. Не они, братъ, за деньгами гоняются, а деньги за ними. Они, вонъ, круглый годъ на печи лежать, палецъ о палецъ не ударятъ, а другіе на нихъ робятъ да тыщами имъ несутъ! Струна, братъ, имъ!—закончилъ онъ, сдернувъ съ головы картузь и сердито почесывая изъѣденный затылокъ.

— Кто же это работаетъ на нихъ да тысячами къ нимъ носить, а?—спросилъ я.

— Кто? Таежники, пріисковые рабочіе, вотъ кто!—отвѣтилъ онъ, искоса взглянувъ на меня.—Вишь се-

ло-то ихъ стоитъ первымъ на пути по выходѣ рабочихъ изъ тайги-то! Лѣто-то таежники робятъ, свѣту не видятъ, никакой, значить, льготы имъ хозяева-то не даютъ,—ну, денегъ-то зарабатываютъ ничего себѣ; иной, коли въ акуратѣ содержитъ себя, и помногу выносить ихъ съ пріисковъ-то! Ну, какъ придутъ въ Т...ъ-то, а тутъ и не зѣваютъ, встрѣчаютъ ихъ, братецъ ты мой, со всякимъ удовольствіемъ, а тѣ, извѣстно, и распояшутся, да все, чего не заробятъ за лѣто, своими руками и покладутъ въ карманы т...скихъ мужиковъ. Слыхалъ? Ну, какъ не житье, а?

— Этимъ только и живутъ т...цы?

— Самымъ этимъ промысломъ. И ловкачи же, братъ, они,—а-а-ахъ ты, Боже мой! Ну, какъ не скажешь, што всякому своя фортуна, а?—тоскливо воскликнулъ онъ.

— Завидно, поди, вамъ, глядя на такой промыселъ, а?

— Какъ, братецъ, въ ину пору не позавидуешь!—уныло отвѣтилъ онъ послѣ непродолжительнаго раздумья.—Ты робишь-робишь всю жизнь, не покладая рукъ, а все у тебя прорѣхи однѣ, нигдѣ цѣльнаго мѣста не найдешь, а тутъ вонъ подъ бокомъ у тебя твой же братъ, мужикъ, да вѣдь какъ къ энтому-то дѣлу приладилъ. И живетъ-то всласть, ни горя-то у него, ни заботы, и всего-то у него вдоволь, и знашь ты, што онъ такой же мужикъ, какъ ты, а робѣешь предъ нимъ, издали-то завидишь его, такъ сама рука къ шапкѣ тянется.

— Чего же робѣть-то?..

— Какъ ты не обробѣешь предъ нимъ,—прервалъ

онъ меня.—Вѣдь онъ купецъ; вѣдь у него карманъ-то отъ денегъ трещить да врозь лѣзетъ. Какая напастъ тебя пристигнетъ, куда ты безъ него-то дѣнешься? Захочетъ онъ, изъ петли тебя вынетъ, а разсерди его—самъ на тебя петлю накинеть. Ну, и ублажаешь его на всякій манеръ! Такъ къ Кузьмѣ Терентьичу тебя завести-то, што-ли?—снова спросилъ онъ, выколотивъ докуренную трубку и заворачивая ее въ кисетъ.

— Вези къ нему!..

— Богатый мужикъ!—повторилъ онъ, взлѣзая на облучекъ,—и голова же, братъ, о-о!..

— Умный?

— Ума этого у него въ три берема не облапишь. Да вотъ поглядишь самъ, каковъ онъ есть, Кузьма-то Терентьичъ!—произнесъ онъ, трогая лошадей.

Отдохнувшіе кони пошли бодрѣе въ гору, и черезъ нѣсколько минутъ мы были на вершинѣ холма, у подножія котораго лежало село. Общій видъ села, особенно съ вершины холма, напоминалъ своею формою подкову, упиравшуюся обоими концами въ обрывистый берегъ, рѣки Т—ъ, по имени которой называлось и самое село. По срединѣ села стояла высокая каменная церковь, и куполъ ея, обшитый бѣлой жестию, ярко горѣлъ теперь отъ солнечныхъ лучей. Спустившись съ холма, мы вѣхали въ широкую, прямую улицу, обнесенную по обѣимъ сторонамъ низенькими, иногда покосившимися и вросшими въ землю избушками, среди которыхъ то по одну, то по другую сторону улицы неожиданно вырастала предъ глазами высокій одноэтажный или въ два эта-

жа домъ, съ балконами, покоившимися на затѣйливо выточенныхъ колоннахъ, съ рѣзными, ярко раскрашенными ставнями и плотными деревянными заборами. Станный контрастъ представляли подобные дома, высившіеся среди убогихъ сосѣдей своихъ, изнуренныхъ лѣтами и непогодами. Они походили какъ будто на новыя, яркія заплаты, нашитыя на ветхомъ рубищѣ нищаго, и своею вычурной красотой только сильнѣе оттѣняли убогій и невзрачный видъ лѣпившихся около нихъ лачугъ.

Ямщикъ остановилъ лошадей передъ однимъ изъ такихъ выдающихся наружностью домовъ, и едва я слѣзъ съ телеги, какъ плотныя рѣзныя ворота раскрылись настежь и меня встрѣтилъ крестьянинъ, лѣтъ пятидесяти на видъ, въ тиковомъ халатѣ, накинутаго поверхъ чистой ситцевой рубахи. Сѣдые, нѣсколько вившіеся волосы на головѣ его были подстрижены въ скобку и отчасти закрывали высокій лобъ, изрѣзанный морщинами. Маленькіе каріе глазки, свѣтившіеся изъ морщинистыхъ орбитъ, пристально остановились на мнѣ.

— Добро пожаловать, милости просимъ!—произнесъ онъ, кланаясь.—А мы, признаться, давно ужъ поджидаемъ вашу милость!—говорилъ онъ, ведя меня по лѣстницѣ, устланной чистымъ холщевымъ половикомъ, въ верхній этажъ своего новаго, красиво и удобно расположеннаго дома.

Введя меня въ обширную комнату, оклеенную пестрыми обоями, съ окрашенными подъ шахматъ полами, Кузьма Терентьевичъ вышелъ, чтобъ присмотрѣть за моими вещами. Комната была уставлена массив-

ными креслами съ мягкими подушками, обтянутыми свѣтлымъ съ бирюзовыми полосами ситцемъ. У передней стѣны между окнами стоялъ большой мягкій диванъ; около дивана круглый столъ, накрытый бѣлою скатертью, и на столѣ красовался массивный бронзовый подсвѣчникъ съ тремя стеариновыми свѣчами. Въ простѣнкѣ висѣло большое зеркало въ рѣзной, орѣхового дерева, рамѣ. По стѣнамъ были развѣшены въ деревянныхъ рамкахъ гравированные портреты членовъ царской фамиліи и портретъ Ермака, писанный масляными красками. Завоеватель Сибири былъ изображенъ въ рыцарскомъ племѣ съ огромнымъ страусовымъ перомъ краснаго цвѣта, въ кольчугѣ и съ копьемъ въ рукѣ. Кисейныя занавѣски на окнахъ, прикрѣпленныя вмѣсто розетокъ розовыми ленточками, дополняли убранство комнаты. Большая стеклянная дверь въ углу вела на балконъ, съ котораго открывался прелестный видъ на окрестности села.

— Пожалуйте-ка, ваша милость, выкупайте, съ дорожки-то оно очень способно! — раздался сзади меня голосъ Кузьмы Терентьевича, поднесшаго мнѣ на небольшомъ корковомъ подносѣ рюмку съ винограднымъ виномъ. — Обычай у насъ такой, штобъ съ дороги обогрѣть человѣка, — отвѣчалъ онъ на мой отказъ; — входя въ домъ, отъ хлѣба-соли грѣшно отказываться!

Намъ подали чай. Усадивъ меня на диванъ къ круглому столу, Кузьма Терентьевичъ сѣлъ около порога и, закинувъ полы своего халата, еще разъ пристально оглядѣлъ меня. Не говоря объ убранствѣ

въ домѣ, которое рѣзко бросалось въ глаза своею щеголеватостью, хотя отчасти и безвкусной, объ обширномъ дворѣ, обнесенномъ громадными пристройками, каждая мелочь, на которую падалъ взглядъ, доказывала не только крупную зажиточность Кузьмы Терентьевича, но даже знакомство его съ нѣкоторымъ комфортомъ. Варенье къ чаю было подано въ хрустальныхъ вазахъ, которыя бы сдѣлали честь любому купеческому дому. Чайныя ложки, щипчики для сахара, вилочка для лимона были изъ чистаго серебра; даже поданы были салфеточки подъ стаканы и сухари и печенья московскаго издѣлія, достигающія въ Сибирь чрезъ ирбитскую ярмарку,—все это какъ-то странно было встрѣтить въ домѣ крестьянина, въ селѣ, заброшенномъ въ такую глушь. Замѣтивъ, что я обратилъ на окружающую меня обстановку вниманіе, Кузьма Терентьевичъ улыбнулся и окинулъ меня самодовольнымъ взглядомъ, какъ бы говоря: «А что, братъ, не ожидалъ, небойсь, этого встрѣтить, такъ вотъ знай же теперь, каковы мы, т...скіе мужики!»

— Пондравилось-ли вашей милости село-то наше?—улыбаясь, спросилъ онъ, наливая чай на блюдце.—Многіе его очень одобряютъ, особливо когда въ первый разъ заѣдутъ къ намъ.

— Красивая мѣстность!—отвѣтилъ я. — И самое село по большинству своихъ зданій скорѣе походитъ на городъ. Въ первомъ еще селѣ я встрѣтилъ такое обиліе лавокъ, только гдѣ же вы находите покупателей на свои товары?—спросилъ я.

— Не мы, сударь, покупателей ищемъ, а покупатель насъ. Въ глухое время-то пожаловали вы къ

намъ. По осени бы вамъ заѣхать сюда, любопытнѣй бы для васъ было.

— А осенью развѣ что-нибудь особенное происходитъ у васъ?

— Много особенностей, мно-о-ого-сь!—повторилъ онъ.—Къ таежникамъ бы приглядѣлись на всю ихнюю неосновательность. Безобразный народъ!—заклучилъ онъ, ставя на столъ допитое блюдо.

— Чѣмъ?

— Какъ вамъ разсказать—чѣмъ, съ разу-то всего не расскажешь. Это надобно, сударь, своимъ глазомъ видѣть. Теперича, не утаивая правды, скажу, про наше село худая слава идетъ, чай и вы, поди, слышали?—съ ироніей посмотрѣвъ на меня, спросилъ онъ.— По людской-то молвѣ хуже нашего мужика и на свѣтѣ нѣтъ: и грабители-то мы, и народъ-то спаиваемъ, штокъ легче его подъ пьяную руку обирать, и чего, чего, какихъ только художествъ и качествъ не говорятъ про насъ! Какъ слушаешь всѣхъ рѣчей, такъ ровно у насъ и не село, а разбойный притонъ.

— Поговариваютъ, что такъ...—прервалъ я..

— Знаемъ, сударь, што поговариваютъ, какъ не знать,—покачавъ головой и подувши слегка на чай, налитый на блюдо, продолжалъ онъ.—А только все это неправда, сударь, клевета одна да зависть. Кушайте еще-сь, пожалуйста, милости просимъ, чаекъ у меня хорошій,—говорилъ онъ, принимая отъ меня допитый стаканъ,—ящиками покупаю, торгую имъ малымъ дѣломъ, въ числѣ прочаго. Худымъ ужъ вашу милость не поподчуемъ! Я вѣдь и на прииски, сударь,